

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

УДК 159.922.8

DOI 10.37386/2413-4481-2023-2-59-65

Татьяна Григорьевна Бобченко

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Россия, ta-bobchenko@mail.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПОДРОСТКОВ, СКЛОННЫХ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. Статья содержит результаты исследования качеств личности подростков, склонных к виктимному поведению в интернет-сети на примере кибербуллинга. Она написана на основе теоретического анализа первоисточников и эмпирического исследования автора. Результаты получены посредством использования методов: теоретических (анализ, обобщение первоисточников), сбора эмпирических данных (анкетирование, тестирование), обработки результатов (математическая статистика). Сделаны выводы о различиях качеств личности подростков, имеющих и не имеющих опыт виктимного поведения в интернет-сети (кибербуллинг).

Ключевые слова: подростковый возраст; виктимное поведение; кибербуллинг; качества личности.

Tatyana G. Bobchenko

Vladimir State University, Vladimir, Russia, ta-bobchenko@mail.ru

PERSONAL TRAITS OF ADOLESCENTS PRONE TO VICTIM BEHAVIOR ON THE INTERNET

Abstract. The paper presents the results of a study of personality traits of adolescents prone to victim behavior on the Internet using the example of cyberbullying. The study is based on theoretical analysis of primary sources and empirical research conducted by the author. Analytical methods used in the study include analysis and compilation of primary sources, empirical data collection (questionnaires, testing), results processing (mathematical statistics). Conclusions drawn by the author describe the differences in personality traits of adolescents with and without experience of victim behavior on the Internet (cyberbullying).

Keywords: adolescence; victim behavior; cyberbullying; personality traits.

Актуальность темы статьи определена рядом положений. Во-первых, в современном обществе вследствие процессов информатизации, цифровизации, сетевизации и вовлечения в них населения возникло явление киберпреступности. Число киберпреступлений, в том числе против детей и подростков, увеличивается, появляются их новые виды.

Во-вторых, в отношении детей и подростков как активных пользователей сети Интернет существует высокий риск киберугроз и вовлеченности в киберпреступления. Этому способствуют отсутствие четких нормативно-правовых документов, регулирующих использование несовершеннолетними интернет-сети, их социальное неблагополучие, возрастные и личностные особенности.

В-третьих, в настоящее время в криминологии и психологии проводится большое количество исследований противоправных деяний по отно-

шению к несовершеннолетним в интернет-сети. Однако отсутствует единое полное представление о личности ребенка и подростка, подвергшегося им, и определенная система профилактической работы с детьми и подростками – возможными жертвами киберпреступлений.

Целесообразность разработки темы статьи состоит в расширении существующих представлений о качествах личности подростков, склонных к виктимному поведению в интернет-сети, в частности к кибербуллингу, для формирования психологического портрета их личности и организации психологического сопровождения.

Новизна исследования состоит в выявлении качеств личности подростков, склонных к виктимному поведению в интернет-сети и имеющих опыт участия в нем, а именно в кибербуллинге; в установлении их отличий от качеств личности

подростков, несклонных к виктимному поведению в сети Интернет и не имеющих опыта участия в кибербуллинге.

Практическая значимость исследования заключается в использовании его результатов психологами средних общеобразовательных школ для разработки программ психолого-педагогического сопровождения учащихся, склонных к виктимному поведению в интернет-сети и кибербуллингу. Психологическая диагностика должна быть направлена на установление когнитивных, эмоциональных, волевых личностных качеств таких подростков. В психологическом консультировании подростков важно использовать методы, позволяющие им осознать качества своей личности. В профилактическую работу с ними следует включать тренинговые занятия для формирования критического мышления и способов безопасного поведения в сети Интернет.

Исследуемая нами проблема – в поиск ответа на вопрос о наличии различий качеств личности подростков, склонных и несклонных к виктимному поведению в интернет-сети.

Понятийно-терминологический аппарат исследования составили понятия «виктимное поведение», «виктимное поведение в сети Интернет», «кибербуллинг». Согласно О.О. Андронниковой, виктимное поведение – дезадаптивный способ поведения, отклоняющийся от норм безопасного поведения, наносящий ущерб психическому и физическому здоровью человека. Оно имеет психические, моральные, социальные проявления [1]. Г.Ф. Биктагирова, Р.А. Валеева, А.Р. Дроздинова-Зарипова, Н.Н. Калацкая, Н.Ю. Костюнина рассматривают виктимное поведение в сети Интернет как деформационное отклонение, проявляющееся в импульсивных, неосторожных, провоцирующих действиях, нарушающих нормы безопасности и ведущих к тому, что человек становится жертвой преступлений в интернет-сети [2]. А.В. Путинцева определяет «кибербуллинг» как феномен интернет-коммуникации, вид психологического буллинга, совершаемый посредством информационных технологий и состоящий в совершении агрессивных действий против жертвы [3].

С.В. Пестов характеризует распространенные преступления в интернет-пространстве, совершаемые против подростков, одно из которых – кибербуллинг: 1) сексуальное соблазнение, вовлечение, домогательство; 2) секс-туризм; 3) продажа органов; 4) игры, пропагандирующие насилие; 5) контент порнографического содержания; 6) детская порнография; 7) расизм, экстремизм,

терроризм; 8) оскорбления, запугивания, шантаж, давление (кибербуллинг); 9) кража личных данных; 10) мошенничество; 11) подстрекательство к анорексии, нанесению увечий, доведение до самоубийства; 12) торговля детьми; 13) распространение психотропных и наркотических веществ [4]. Е.А. Макарова, Е.Л. Макарова, Е.А. Махрина выделяют психологические особенности кибербуллинга: анонимность исполнителя, невозможность удалить оскорбления из интернет-сети, возможность их размещения на разных сайтах, влияние агрессора на общественное мнение, большое количество свидетелей, угроза психическому здоровью жертвы [5]. Д.Е. Щипанова выделяет несколько видов кибербуллинга с участием подростков: флейминг, постоянные агрессивные атаки, клевета, самозванство, кража конфиденциальной информации, отчуждение, киберпреследование, хеппислепинг [6].

Основными аспектами отечественных исследований личности, общения и поведения подростков – участников кибербуллинга являются: направленность личности (И.В. Арькова, А.С. Голубовская [7], А.А. Гребенюк, Л.В. Жихарева [8], Е.А. Колесников [9], И.С. Лучинкина [8; 10], А.И. Лучинкина [8], Е.И. Погорелова [7], Р.Н. Усмонова [10]), самооценка (М.С. Князева [11], И.С. Стукало [12], Р.Н. Усмонова [13]), качества личности (К.А. Воробьева [14], А.А. Лисакова [15], М.С. Князева [11], С.В. Шашова [16]), особенности эмоционального интеллекта (А.А. Вихман [17], А.А. Климакова, Ю.А. Кочетова [18], М.В. Скорынин [17]), стиль межличностных отношений (В.С. Густодымова, М.В. Галушко [19]), копинг-стратегии в ситуации кибербуллинга (А.А. Баранов [20], А.А. Ключкина [21], С.В. Рожина [20], Г.У. Солдатова [22], Е.Ю. Шпаковская [21]). В зарубежных исследованиях рассмотрены мотивы использования сети Интернет (G. Gini, C. Marino, T. Pozzoli, J. Pfetsch, J.-Y. Xie [23]), самооценка (M. Hess, J. Pfetsch, H. Scheithauer, A. Schultze-Krumbholz [24]), эмпатия (M. Hock, H. Eschenbeck, R.-K. Knauf [25]; B.D. Harper, M.F. Wright, S. Wachs [26]; M. Hess, J. Pfetsch, H. Scheithauer, A. Schultze-Krumbholz [24]), состояния тревоги и депрессии (B.D. Harper, M.F. Wright, S. Wachs [26]), эмоциональная саморегуляция (J. Rahman, M.K. Uddin [27]), копинг-стратегии (S.B. Armstrong, S.E. Domoff, E.F. Dubow [28]). Следует отметить, что многие исследования посвящены изучению направленности личности подростков – участников кибербуллинга: потребностей, мотивов, установок, ценностных ориентаций.

Изучение качеств личности подростков, участвующих в кибербуллинге, чаще всего направлено на отдельные качества: враждебность, стрессоустойчивость, тревожность. Значительно реже в исследованиях рассмотрен комплекс качеств их личности. Е.И. Погорелова, И.В. Арькова, А.С. Голубовская установили, что у подростков с высоким уровнем включенности в кибербуллинг выражена враждебность [7]. И.С. Стукало и А.Р. Дроздикова-Зарипова выявили, что у жертв кибербуллинга уровень тревожности выше, чем у буллеров, а в уровне коммуникабельности, конфликтности, агрессивности отличий нет [12]. Согласно результатам, полученным М.С. Князевой, С.В. Шашовой, для жертв кибербуллинга характерен низкий уровень стрессоустойчивости [11; 16]. В исследовании А.А. Лисаковой выявлены различия эмоциональных и волевых качеств личности участников кибербуллинга. «Жертвы» имеют слабый волевой контроль, осторожны, сензитивны, зависимы, а «жертвы-агрессоры» фрустрированы, эмоционально неустойчивы, имеют пониженное настроение [15].

Цель проведенного нами исследования состояла в выявлении качеств личности подростков, склонных к виктимному поведению в сети Интернет. Его объект – личность подростка, склонного к виктимному поведению в сети Интернет, а предмет – качества личности подростка, склонного к виктимному поведению в сети Интернет. Гипотеза исследования состояла в предположении о существовании достоверных различий в уровне выраженности качеств личности подростков, склонных и несклонных к виктимному поведению в сети Интернет. Нами использованы методы: 1) сбора эмпирических данных – анкетирование («Кибербуллинг: участие и роли» П. Лангана), тестирование («Склонность к виктимному поведению» О.О. Андронниковой; «Личностный опросник 14-RF» Р. Кетелла); 2) обработки полученных результатов – количественный и качественный анализ, определение достоверности различий по U-критерию Манна – Уитни. База исследования – МБОУ г. Владимир «Лицей-интернат № 1». Исследуемая группа – 30 учащихся в возрасте 14–15 лет (15 юношей, 15 девушек).

На первом этапе исследования установлены склонность подростков к виктимному поведению и опыт их участия в кибербуллинге посредством методик «Склонность к виктимному поведению» и «Кибербуллинг: участие и роли».

Согласно результатам методики «Склонность к виктимному поведению», склонности к вик-

тимному поведению не имеют 46 % подростков; существует склонность к виктимному поведению, но виктимность не реализована у 46 % подростков; существует склонность к виктимному поведению и виктимность реализована у 8 % подростков. Таким образом, 54 % подростков исследуемой группы имеют склонность к виктимному поведению.

Согласно результатам методики «Кибербуллинг: участие и роли», обычными пользователями сети Интернет без опыта участия в кибербуллинге являются 46 % подростков; имеют опыт участия в кибербуллинге в роли «агрессора» 8 % подростков, в роли «жертвы» – 17 % подростков, в роли «свидетеля» – 12 % подростков, в ролях «агрессора» и «свидетеля» – 17 % подростков. Таким образом, 54 % подростков имеют опыт участия в кибербуллинге в одной или нескольких ролях.

На втором этапе эмпирического исследования на основе полученных результатов учащиеся были разделены на 4 группы по двум признакам: наличие склонности к виктимному поведению и опыт участия в кибербуллинге. 1. Подростки, несклонные к виктимному поведению и не имеющие опыта участия в кибербуллинге (29 % подростков). У них отсутствует склонность к виктимному поведению и опыт участия в кибербуллинге. 2. Подростки, несклонные к виктимному поведению, но имеющие опыт участия в кибербуллинге (17 % подростков). У них отсутствует склонность к виктимному поведению, но есть опыт участия в кибербуллинге в одной из ролей или двух ролях: «жертва», «свидетель», «свидетель и агрессор». 3. Подростки, склонные к виктимному поведению, но не имеющие опыта участия в кибербуллинге (17 % подростков). У них есть склонность хотя бы к одному виду виктимного поведения, но опыт участия в кибербуллинге отсутствует. 4. Подростки, склонные к виктимному поведению и имеющие опыт участия в кибербуллинге (37 % подростков). У них есть склонность хотя бы к одному виду виктимного поведения и опыт участия в кибербуллинге в одной или нескольких ролях: «жертва», «агрессор», «свидетель», «свидетель и жертва», «свидетель и агрессор».

На третьем этапе эмпирического исследования подростков этих групп были определены различия в уровне выраженности качеств личности, установленных с использованием методики «14-RF». Качества личности, по которым выявлены достоверные различия, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Достоверные различия в выраженности качеств личности подростков в зависимости от склонности к виктимному поведению и опыта участия в кибербуллинге (опросник «14-PF» Р. Кетелла)

Группы подростков	Несклонные к ВП и без опыта участия в КБ	Несклонные к ВП и с опытом участия в КБ	Склонные к ВП и без опыта участия в КБ	Склонные к ВП и с опытом участия в КБ
Несклонные к ВП и без опыта участия в КБ		Отсутствуют	Факторы Е, Q3	Факторы В, Е, Q4
Несклонные к ВП и с опытом участия в КБ	Отсутствуют		Факторы Q3	Отсутствуют
Склонные к ВП и без опыта участия в КБ	Факторы Е, Q3	Факторы Q3		Фактор Q3
Склонные к ВП и с опытом участия в КБ	Факторы В, Е, Q4	Отсутствуют	Фактор Q3	

Примечание. ВП – виктимное поведение, КБ – кибербуллинг. В – низкий интеллект – высокий интеллект, Е – покорность – настойчивость, Q3 – импульсивность – контроль желаний, Q4 – нефрустрированность – фрустрированность.

Как видно в таблице 1, различия между выделенными группами подростков в большинстве случаев установлены по факторам Е – покорность – настойчивость и Q3 – импульсивность – контроль желаний. В отдельных случаях

различия установлены по факторам В – низкий интеллект – высокий интеллект и Q4 – нефрустрированность – фрустрированность. Средние значения по этим факторам и значения достоверности различий представлены в таблице 2.

Таблица 2

Уровень выраженности и достоверные различия качеств личности подростков в зависимости от склонности к виктимному поведению и опыта участия в кибербуллинге

Факторы опросника «14-PF» Р. Кетелла	Группы подростков				Достоверность различий по U-критерию Манна – Уитни
	1 Несклонные к ВП и без опыта участия в КБ	2 Несклонные к ВП и с опытом участия в КБ	3 Склонные к ВП и без опыта участия в КБ	4 Склонные к ВП и с опытом участия в КБ	
В – низкий интеллект – высокий интеллект	6,5	5,7	3,7	4	U эмп 1.4 = 11, p ≤ 0,05
Е – покорность – настойчивость	9	6,7	6,5	7,2	U эмп 1.3 = 2, p ≤ 0,05 U эмп 1.4 = 14,5, p ≤ 0,05
Q3 – импульсивность – контроль желаний	5,2	4,2	7	4,8	U эмп 1.3 = 2,5, p ≤ 0,05 U эмп 2.3 = 0, p ≤ 0,01 U эмп 3.4 = 5,5, p ≤ 0,05
Q4 – нефрустрированность – фрустрированность	3,5	5,2	4,5	5,4	U эмп 1.4 = 12,5, p ≤ 0,05

При анализе различий, указанных в таблице 2, основное внимание, согласно цели исследования, было обращено на достоверные различия в уров-

не выраженности качеств личности подростков группы 1 «Несклонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге» и группы 4

«Склонные к виктимному поведению и с опытом участия в кибербуллинге». Между этими группами подростков установлены следующие достоверные различия.

1. Фактор «В» (низкий интеллект – высокий интеллект) у подростков группы 1 находится на достоверно более высоком уровне выраженности (6,5 стена), чем у подростков группы 4 (4 стена) при $p \leq 0,05$. При этом у подростков обеих групп показатели этого фактора находятся в пределах средних значений, но у подростков группы 1 ближе к верхней, а у подростков группы 4 ближе к нижней границе нормы. Следовательно, у подростков, склонных к виктимному поведению в сети Интернет, недостаточно сформированы умения, связанные с развитием мышления и обработкой воспринятой информации: сравнивать, обобщать, упорядочивать, устанавливать закономерности.

2. Фактор «Е» (покорность – настойчивость) у подростков группы 1 находится на достоверно более высоком уровне выраженности (9 стенов), чем у подростков группы 4 (7,2 стена) при $p \leq 0,05$. При этом у подростков обеих групп показатели этого фактора находятся в пределах высоких значений. Исходя из полученных результатов, мы можем говорить о том, что подростки обеих групп проявляют стремление к независимости, самоутверждению, что свойственно учащимся этого возраста. Но подростки, склонные к виктимному поведению в сети Интернет, также могут проявлять зависимость от сверстников и взрослых, подчинение им, неумение отстаивать свою точку зрения.

3. Фактор «Q4» (нефрустрированность – фрустрированность) у подростков группы 1 находится на достоверно более низком уровне выраженности (3,5 стена), чем у подростков группы 4 (5,4 стена) при $p \leq 0,05$. При этом у подростков обеих групп показатели этого фактора находятся в пределах средних значений. Следовательно, подростки, склонные к виктимному поведению в сети Интернет, отличаются эмоциональной неустойчивостью и психическим состоянием, которое можно охарактеризовать как напряжение, беспокойство, возбуждение. Подобное состояние может возникать при неудовлетворении потребностей подростка в реальном общении с окружающими и в деятельности.

В проведенном исследовании также были получены достоверные различия между подростками группы 1 «Несклонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге» и группы 3 «Склонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге».

1. Фактор «Е» (покорность – настойчивость) у подростков группы 1 находится на достоверно более высоком уровне выраженности (9 стенов), чем у подростков группы 3 (6,5 стена) при $p \leq 0,05$. При этом достоверные различия в уровне выраженности этого качества у подростков группы 3 и группы 4 отсутствуют. Это говорит о том, как было показано выше, что подростки, несклонные к виктимному поведению, способны выражать, аргументировать, отстаивать свою точку зрения, могут противопоставить ее мнению других людей, проявляют независимость. Подростки, склонные к виктимному поведению, более конформны, ориентируются на мнение других людей, подчиняются им.

2. Фактор «Q3» (импульсивность – контроль желаний) у подростков группы 1 находится на достоверно более низком уровне выраженности (5,2 стена), чем у подростков группы 3 (7 стенов) при $p \leq 0,05$. Отметим, что показатели этого фактора у подростков обеих групп соответствуют средним значениям. Такие результаты показывают, что подростки группы 3 отличаются повышенным самоконтролем соблюдения социальных норм, однако высокая выраженность этого качества может определять склонность таких подростков к гиперсоциальному виктимному поведению.

В проведенном исследовании достоверные различия в уровне выраженности качеств личности по фактору «Q3» (импульсивность – контроль желаний) были установлены не только между подростками группы 3 и группы 1, но и между подростками группы 3 и группы 2 «Несклонные к виктимному поведению и с опытом участия в кибербуллинге», а также группы 4 «Склонные к виктимному поведению и с опытом участия в кибербуллинге». У подростков группы 3 показатель по фактору «Q3» находится на достоверно более высоком уровне выраженности, чем у подростков группы 2 (4,2 стена) и подростков группы 4 (4,8 стена), при $p \leq 0,01$ и $p \leq 0,05$ соответственно.

Следует обратить внимание на то, что у подростков, которые имеют опыт участия в кибербуллинге (группы 2 и 4), показатели по фактору «Q3» имеют меньшие значения, чем у тех, кто не имеет такого опыта. Это позволяет предположить, что подростки, имеющие опыт участия в кибербуллинге, не всегда могут осуществлять регуляцию своего состояния, поведения, самоконтроль желаний, организовывать свою деятельность.

Таким образом, подросткам, склонным к виктимному поведению и имеющим опыт участия в кибербуллинге, свойственны: 1) недостаточная сформированность умений сравнивать, обоб-

щать, упорядочивать, устанавливать закономерности; 2) проявления зависимости от сверстников и взрослых, неумение аргументировать и отстаивать свою точку зрения; 3) фрустрированность, недостаточно сформированное умение регулировать свое состояние и организовывать деятельность.

Результаты проведенного исследования согласуются с результатами ранее проведенных исследований когнитивных, эмоциональных, волевых качеств личности подростков, склонных к виктимному поведению в сети Интернет, в том числе к кибербуллингу. Так, в исследовании М.С. Князевой установлено, что среди таких подростков преобладают те, у кого на низком уровне сформированы критичность мышления, умение высказывать и отстаивать свою правоту и стрессоустойчивость [6]. А.А. Скорынин и А.А. Вихман выявили отрицательные корреляции между показателями интернет-зависимости, кибербуллинга и способности упорядочивать элементы, логично и последовательно строить умозаключения [14]. А.А. Лисакова диагностировала у подростков – участников кибербуллинга слабый волевой контроль (фактор «Q3»), состояние фрустрации и эмоциональную неустойчивость (фактор «Q4») [9]. Л.В. Жихарева, И.С. Лучинкина, А.А. Гребнюк, А.И. Лучинкина констатировали эмоциональный дискомфорт у подростков, имеющих разные роли в кибербуллинге [5].

На основании результатов проведенного исследования были сделаны выводы о существовании достоверных различий в уровне выраженности качеств личности подростков, склонных и несклонных к виктимному поведению в сети Интернет, и качествах личности подростков, склонных к виктимному поведению в сети Интернет.

1. У подростков группы 4 «Склонные к виктимному поведению и с опытом участия в кибербуллинге», в отличие от подростков группы 1 «Несклонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге», установлены более низкие значения факторов «В» (низкий интеллект – высокий интеллект), $p \leq 0,05$ и «Е» (покорность – настойчивость), $p \leq 0,05$; более высокое

значение фактора «Q4» (нефрустрированность – фрустрированность), $p \leq 0,05$.

2. У подростков группы 4 «Склонные к виктимному поведению и с опытом участия в кибербуллинге», в отличие от подростков группы 3 «Склонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге», установлено более низкое значение фактора «Q3» (импульсивность – контроль желаний), $p \leq 0,05$.

3. У подростков группы 3 «Склонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге», в отличие от подростков группы 1 «Несклонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге», установлены более низкие значения фактора «Е» (покорность – настойчивость), $p \leq 0,05$ и более высокие значения фактора «Q3» (импульсивность – контроль желаний), $p \leq 0,05$.

4. У подростков группы 3 «Склонные к виктимному поведению и без опыта участия в кибербуллинге», в отличие от подростков группы 2 «Несклонные к виктимному поведению и с опытом участия в кибербуллинге», установлены более высокие значения фактора «Q3» (импульсивность – контроль желаний), $p \leq 0,01$.

Исходя из этого, для подростков, склонных к виктимному поведению в сети Интернет (кибербулинг), характерны следующие качества: когнитивные – недостаточное сформированное умение сравнивать, обобщать, устанавливать закономерности; эмоциональные – состояние фрустрации; волевые – сниженный самоконтроль желаний, поведения; коммуникативные – неумение выражать, аргументировать, отстаивать свою точку зрения, ориентация на мнение других, следование ему, уступчивость.

Таким образом, подтвердилась гипотеза о существовании достоверных различий в уровне выраженности качеств личности подростков, склонных и несклонных к виктимному поведению в сети Интернет. Цель, состоящая в выявлении качеств личности подростков, склонных к виктимному поведению в сети Интернет, была достигнута.

Список источников

1. Андронникова О. О. Возможности трансформации дезадаптивных форм виктимного поведения подростков в образовательном пространстве // *Философия образования*. 2014. № 1 (52). С. 178–184.
2. Профилактика и коррекция виктимного поведения студенческой молодежи в Глобальной сети Интернет: теория, практика / Г. Ф. Биктагирова, Р. А. Валеева, А. Р. Дроздикова-Зарипова и др. Казань: Отечество, 2019. 320 с.
3. Путинцева А. В. Развитие феномена «кибербулинг»: анализ подходов к определению // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. 2020. № 3 (89). С. 51–57.
4. Пестов С. В. Противоправное воздействие на детей и молодежь в киберпространстве // *Теория государства и права*. 2018. № 4. С. 64–74.
5. Макарова Е. А., Макарова Е. Л., Махрина Е. А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 3. С. 293–311.

6. Щипанова Д. Е. Результаты исследования кибербуллинга в образовательных организациях // Новые информационные технологии в образовании: материалы IX Международной научно-практической конференции, 15–18 марта 2016 года. Екатеринбург, 2016. С. 443–447.
7. Погорелова Е. И., Арькова И. В., Голубовская А. С. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. Т. 14, № 2. С. 47–53.
8. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве / Л. В. Жихарева, И. С. Лучинкина, А. А. Гребенюк, А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8, № 4. С. 115–126.
9. Колесников Е. А. Исследование психологических характеристик подростков, склонных к виктимному поведению в виртуальном пространстве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2019. Т. 29, вып. 2. С. 148–159.
10. Усмонова Р. Н., Лучинкина И. С. Психологические характеристики участника буллинга в интернет-пространстве // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2018. № 2 (12). С. 62–67.
11. Князева М. С. Исследование стрессоустойчивости личности как условие профилактики кибербуллинга в подростковом возрасте // Информация как двигатель научного прогресса: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (Стерлитамак, 30 мая 2019 г.). Стерлитамак: АМИ, 2019. С. 61–65.
12. Стукало И. С., Дроздикова-Зарипова А. Р. // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований: сборник трудов Международной научно-практической конференции «XV Левитовские чтения», Москва, 15–16 апреля 2020 года: в 3 т. М.: Перо, 2020. Т. 3. С. 725–731.
13. Усмонова Р. Н. Психологические особенности жертв кибербуллинга // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2017. № 1 (7). С. 162–165.
14. Воробьева К. А. Личностные особенности подростков, занимающих различные позиции в структуре кибербуллинга // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. № 3 (60). С. 126–134.
15. Лисакова А. А. Личностные особенности подростков, подвергающихся кибербуллингу // Психология XXI века. Психологические исследования: от теории к практике: сборник тезисов участников международной научной конференции молодых ученых, 21–23 апреля 2021 года / под ред. А. В. Шаболтас. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 122–123.
16. Шашова С. В. Интернет-компетентность подростка как важный структурный элемент стрессоустойчивости в ситуации кибербуллинга // Приоритеты стратегии научно-технологического развития России и обеспечение воспроизводства инновационного потенциала высшей школы: материалы Всероссийской научной конференции, г. Ижевск, 27 февраля 2019 года / отв. ред. А. М. Макаров. Ижевск: Удмуртский университет, 2019. С. 416–419.
17. Скорынин А. А., Вихман А. А. Интеллектуальные предикторы кибербуллинга и компьютерной зависимости в подростковом возрасте // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10, № 3. С. 9–28.
18. Кочетова Ю. А., Климакова М. В. Эмоциональный интеллект в условиях информационного общества и кибербуллинга // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 2, т. 7. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/64PSMN219.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).
19. Густодымова В. С., Галушко М. В. Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга в социальных сетях // Актуальные проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности личности: сборник тезисов докладов I Всероссийской научно-практической конференции, г. Севастополь, 4–6 октября 2018 года. Севастополь: IDEA, 2018. С. 72–76.
20. Баранов А. А., Рожина С. В. Копинг-стратегии подростка в ситуации кибербуллинга // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия, психология, педагогика. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 37–45.
21. Шпаковская Е. Ю., Ключкина А. А. Психологические особенности виктимного поведения подростков, подвергавшихся кибербуллингу // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PSMN120.pdf> (дата обращения: 11.04.2023).
22. Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совладания // Образовательная политика. 2011. № 5 (55). С. 11–22.
23. Associations of traditional and peer cyber-victimization with adolescents' Internet use: A latent profile analysis / G. Gini, C. Marino, J.-Y. Xie, J. Pfetsch, T. Pozzoli // Cyberpsychology. 2019. № 13 (4). URL: <https://doi.org/10.5817/CP2019-4-1> (дата обращения: 11.04.2023).
24. Who is involved in cyberbullying? Latent class analysis of cyberbullying roles and their associations with aggression, self-esteem, and empathy / A. Schultze-Krumbholz, M. Hess, J. Pfetsch, H. Scheithauer // Cyberpsychology. 2018. 12 (4). URL: <https://doi.org/10.5817/CP2018-4-2> (дата обращения: 11.04.2023).
25. Knauf R.-K., Eschenbeck H., Hock, M. Bystanders of bullying: Social-cognitive and affective reactions to school bullying and cyberbullying // Cyberpsychology. 2018. 12 (4). URL: <http://dx.doi.org/10.5817/CP2018-4-3> (дата обращения: 11.04.2023).
26. Wright M. F., Wachs S., Harper, B. D. The moderation of empathy in the longitudinal association between witnessing cyberbullying, depression, and anxiety // Cyberpsychology. 2018. 12 (4). URL: <http://dx.doi.org/10.5817/CP2018-4-6/> (дата обращения: 11.04.2023).
27. Uddin M. K., Rahman J. Cyber victimization and cyber aggression among high school students: Emotion regulation as a moderator // Cyberpsychology. 2022. 16 (2). URL: <https://doi.org/10.5817/CP2022-2-4> (дата обращения: 11.04.2023).
28. Armstrong S. B., Dubow E. F., Domoff S. E. Adolescent coping: In-person and cyber-victimization // Cyberpsychology. 2019. 13 (4). URL: <https://doi.org/10.5817/CP2019-4-2> (дата обращения: 11.04.2023).

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 27.04.2023.